

Русские женщины — эпизод 8 из 17

Недаром над ним пронеслася гроза:
Морщины на лбу появились,
Лицо было мертвенно бледно, глаза
Не так уже ярко светились,
Но больше в них было, чем в прежние дни,
Той тихой, знакомой печали;
С минуту пытливо смотрели они,
И радостью вдруг заблистали,
Казалось, он в душу мою заглянул...
Я горько, припав к его груди,
Рыдала... Он обнял меня и шепнул:
Здесь есть посторонние люди.
Потом он сказал, что полезно ему
Узнать добродетель смиренья,
Что, впрочем, легко переносит тюрьму,
И несколько слов ободренья
Прибавил... По комнате важно шагал
Свидетель: нам было неловко...
Сергей на одежду свою показал:
Поздравь меня, Маша, с обновкой,
И тихо прибавил: Пойми и прости,
Глаза засверкали слезою,
Но тут соглядатай успел подойти,
Он низко поник головою.
Я громко сказала: Да, я не ждала
Найти тебя в этой одежде.
И тихо шепнула: Я всё поняла.
Люблю тебя больше, чем прежде...
Что делать? И в каторге буду я жить
(Покуда мне жизнь не наскучит).
Ты жив, ты здоров, так о чем же тужить?
(Ведь каторга нас не разлучит?)
Так вот ты какая! Сергей говорил,
Лицо его весело было...
Он вынул платок, на окно положил,
И рядом я свой положила,

Потом, расставаясь, Сергеев платок
Взяла я мой мужу остался...
Нам после годичной разлуки часок
Свиданья короток казался,
Но что ж было делать! Наш срок миновал
Пришлось бы другим дожидаться...
В карету меня посадил генерал,
Счастливо желал оставаться...
Великую радость нашла я в платке:
Цалуя его, увидала
Я несколько слов на одном уголке;
Вот что я, дрожа, прочитала:
Мой друг, ты свободна. Пойми не пеняй!
Душевно я бодр и желаю
Жену мою видеть такой же. Прощай!
Малютке поклон посылаю...
Была в Петербурге большая родня
У мужа; всё знать да какая!
Я ездила к ним, волновалась три дня,
Сергея спасти умоляя.
Отец говорил: Что ты мучишься, дочь?
Я всё испытал бесполезно!
И правда: они уж пытались помочь,
Моля императора слезно,
Но просьбы до сердца его не дошли...
Я с мужем еще повидалась,
И время пришло: его увезли!..
Как только одна я осталась,
Я тотчас слышала в сердце моем,
Что надо и мне торопиться,
Мне душен казался родительский дом,
И стала я к мужу проситься.
Теперь расскажу вам подробно, друзья,
Мою роковую победу.
Вся дружно и грозно восстала семья,
Когда я сказала: Я еду!
Не знаю, как мне удалось устоять,
Чего натерпелась я... Боже!..
Была из-под Киева вызвана мать,

И братья приехали тоже:
Отец образумить меня приказал.
Они убеждали, просили,
Но волю мою сам господь подкреплял,
Их речи ее не сломили!
А много и горько поплакать пришлось...
Когда собрались мы к обеду,
Отец мимоходом мне бросил вопрос:
На что ты решилась? Я еду!
Отец промолчал... промолчала семья...
Я вечером горько всплакнула,
Качая ребенка, задумалась я...
Вдруг входит отец, я вздрогнула...
Ждала я грозы, но, печален и тих,
Сказал он сердечно и кротко:
За что обижаешь ты кровных родных?
Что будет с несчастным сироткой?
Что будет с тобою, голубка моя?
Там нужно не женскую силу!
Напрасна великая жертва твоя,
Найдешь ты там только могилу!
И ждал он ответа, и взгляд мой ловил,
Лаская меня и цалуя...
Я сам виноват! Я тебя погубил!
Воскликнул он вдруг, негодуя.
Где был мой рассудок? Где были глаза!
Уж знала вся армия наша...
И рвал он седые свои волосы:
Прости! не казни меня, Маша!
Останься!.. И снова молил горячо...
Бог знает, как я устояла!
Припав головою к нему на плечо,
Поеду! я тихо сказала...
Посмотрим!.. И вдруг распрямился старик,
Глаза его гневом сверкали:
Одно повторяет твой глупый язык:
Поеду! Сказать не пора ли,
Куда и зачем? Ты подумай сперва!
Не знаешь сама, что болтаешь!

Умеет ли думать твоя голова?
Врагами ты, что ли, считаешь
И мать, и отца? Или глупы они...
Что споришь ты с ними, как с ровней?
Поглубже ты в сердце свое загляни,
Вперед посмотри хладнокровней,
Подумай!.. Я завтра увижусь с тобой...
Ушел он, грозящий и гневный,
А я, чуть жива, пред иконой святой
Упала в истоме душевной...